

домъ и съ утра до ночи торчалъ около жнеекъ. Да объ Ильѣ Петровичѣ не было никакого слуха.

Лукавинъ же самодовольно поглаживалъ бородку и не спускалъ глазъ съ Вари. Временами на него находила какая-то необузданная потребность шири и простора: плечи его зудѣли, руки такъ и напрашивались на работу. Тогда онъ безпокойно метался въ своей комнатѣ, или отламывалъ добрые десятки верстъ съ ружьемъ за плечами. И удивительные планы роились въ его головѣ. Ему хотѣлось чѣмъ бы то ни было поразить Варю, заставить ее окаменѣть въ изумленіи, показать ей въ полномъ размахѣ свою удалъ-силу. Въ немъ словно и впрямь просыпался какой-то Алеша Поповичъ. Но къ сожалѣнію, что бы онъ ни придумывалъ въ этомъ родѣ, все отвергалось его вѣрнымъ совѣтникомъ, Облѣпищевымъ. Такъ, послѣдовательно пали его планы: купить тройку дикихъ донскихъ лошадей и самолично объѣздить ихъ для Вари («фи! что ты за кучеры!» — протянулъ графъ); выписать Варѣ отъ Фульда брилліантовое ожерелье въ сорокъ тысячъ франковъ («не имѣешь права», — замѣтилъ графъ); пригласить на нѣсколько вечеровъ m-lle Зембрихъ изъ Мадрида въ Волхонку («ты самъ здѣсь гость», — возразилъ Мишель); ежечъ фейерверкъ въ тысячу рублей (на это Облѣпищевъ только пожалъ плечами)...

Тогда Петръ Лукьянычъ, негодуя, размышлялъ о глупости «всѣхъ этихъ баръ», добровольно опутавшихъ себя цѣлою сѣтью приличій и условныхъ отношеній. И что-то въ родѣ презрѣнія къ нимъ шевелилось въ немъ. Но онъ умиралъ свои порывы, утомлялъ себя ходьбою и движеніями, и съ обычной своей смышленностью рассчитывалъ удобный моментъ для того, чтобы сдѣлать предложеніе. Съ отцомъ онъ уже списался и получилъ отъ него самыя широкія полномочія. Лукьянъ Трифонычъ только приказывалъ увѣдомить его во время, чтобы онъ могъ приготовить салонные вагоны для путешествія молодыхъ за-границу.

Графъ тоже сообщилъ матери, чтобы она со дня на день ожидала желаемую телеграмму.

XVII.

День 27 іюля не былъ праздничнымъ днемъ. Но по селу еще съ вечера повѣстили, что по случаю рожденія барышни, народъ приглашается на обѣдъ и угощеніе. Благодаря этому, въ полдень, весь барскій дворъ былъ запруженъ разряженными